

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Не было бы счастья

— Чёртова баба! Теперь нам крышка.

— Хью, как можно так отзываться о даме. Сейчас я её шлёпну... Вот чёрт, не поднимается рука на женщину!

Из диалога Билли Кинга и усатого ковбоя Хью в фильме Аллы Суриковой «Человек с бульвара Капуцинов».

«Не было бы счастья, да несчастье помогло. Так говорят, когда случившееся в жизни несчастье самым чудесным образом служит началу нового счастливого этапа в жизни. Или причиной нежданного счастливого события. А ещё говорят, что насилие порождает насилие. Последнее утверждение не совсем верно. Потому что насилие порождает ещё и ненависть. А ненависть — плохой советчик в принятии решений. Особенно если эти решения сделаны скоропалительно и сгоряча. Порою всё изменить и повернуть назад бывает слишком поздно. И приходится смириться с тем, что ты натворил. Но даже после этого всегда есть выбор. Ведь на самом деле перед нами множество путей. Просто мы их не видим, или не хотим видеть. Мы сами загоняем себя в угол и становимся жертвами обстоятельств, через которые перешагнуть вовсе не составляет никакого труда. Ещё великий Конфуций писал — очень трудно найти в тёмной комнате чёрную кошку, особенно если её там нет. Но продолжают искать, и другого выхода не видят. Как в опыте по физиологии с третьего курса медицинского факультета. Лампочка зажглась и обезьяна протянула руку. Но банан отодвинули подальше, а рядом положили палку. Ну возьми ты палку, и уже палкой подсунь этот банан к себе. Но нет, она продолжает тянуться и пускать слюни.»

Из дневника Энн-Мари Фишер.

... Ночь. Вокруг ни души. Под деревом на лавочке, освещаемой тусклым уличным фонарём, примостилась одинокая девичья фигурка. Накрапывает мелкий дождик. Девушка кутается в демисезонный плащ и громко всхлипывает. Лицо её побито и ей плохо. Она без обуви. Ноги в разорванных колготках безнадёжно промокли. Её по-человечески жалко. У кого хватило совести выгнать на улицу такое хрупкое и незащитное существо. Но что-то есть ещё. Что-то неуловимое. Что именно? И я решаю во что бы то ни стало ей помочь. Её длинные растрёпанные волосы, она по-настоящему красива, и эта растрёпанность придаёт ей какой-то неповторимый сексуальный шарм, несмотря на побои на её лице. Я притормаживаю, немного сдаю назад и выхожу из машины. Я иду, и ощущаю тонкую незримую нить между мной и девушкой, и ведёт меня по ней само провидение...

— Два удара, восемь дырок — кричал пьяным голосом мой муженёк, гонясь за мной вокруг стола и размахивая вилкой.

— Не смей ко мне прикасаться, сволочь — я убежала и пыталась выскочить в прихожую. Поняв мои намерения, он встал в проходе, и отшвырнул в сторону столовый прибор.

— Куда опять намылилась, жёнушка неверная, туда где шлялась?

— Я сверхурочную выполняла, скотина, деньги зарабатывала, это ты от безделья по пивнушкам шатаешься.

— Да неужели. А ты что, следишь за мной? Я между прочим муж твой законный, а жена да убьётся мужа своего, знаешь об этом, шалава? — он сделал шаг вперёд и протянул ко мне

руку через стол.

— Убери свои грязные лапы от меня, подонок. Думаешь, не знаю, как ты с Наташкой соседкой шуры-муры разводил.

— Это моё дело, а ты с начальничком своим. Забыла? Видели, как ты из его машины выходила и жопой виляла. Шлюха.

— Да он просто меня подвозил!

— Знаю, знаю. А потом к тебе не прикоснись. То у тебя живот болит, то месячные, то хвост отваливается. А с другими на стороне так не отваливается. Да знаешь, как меня теперь называют? Рогоносец! Всё, больше ты меня не продинамишь.

— Это тебя твои кореша-алкаши так называют. По себе судят. Меньше жрать надо. Да ты мне опротивел со своим вечным перегаром. Всё, подаю на развод.

— Ах на разво-о-о-д. Вот как мы заговорили. Развод, да? Я тебе сейчас устрою развод. Я тебе такой развод покажу — и он внезапно бросился под стол, пытаюсь поймать меня за ногу.

Я отскочила, проход в прихожку оказался свободен, и я прыгнула туда, по пути огибая угол стола. Не повезло. Зацепившись шпилькой туфли о выступающую деревянную ножку стола, я потеряла равновесие и растянулась на полу, больно ударившись коленкой о спинку стоявшего рядом стула. Стул с грохотом опрокинулся на бок, а сумочка с ключами от машины, зарплатной картой и телефоном выскользнула из рук и улетела в прихожку. Я попыталась приподняться и встать на четвереньки, как боль в колене прострелила до самых мозгов. В следующий момент мой муженёк проворно выполз из под стола, навалился мне на плечи и прижал к полу.

— Сейчас я покажу тебе, кто в доме хозяин, паскуда гулящая — он рывком перевернул меня на спину идохнул в лицо густым перегаром — развода она захотела.

— Не смей меня трогать, ублюдок. Ненавижу! — и плюнула ему в его пьяную рожу.

— Ах так, ну ладно, ненавидишь, да? А сейчас полюбишь — и с этими словами он наотмашь заехал мне по щеке.

Я вскрикнула от боли и из глаз посыпались искры, а он тем временем одним движением разорвал на мне дорогой топ.

— Пусти — я выставила вперёд руки, и отчаянно пыталась его отпихнуть. Силы были неравны. Он постепенно захватил мои запястья в одну руку, а второй рывком стянул с меня юбку вместе с трусами.

— Я буду кричать. Пусти по хорошему.

— Кричи, сколько тебе влезет. Здесь тебе никто не поможет. Я у себя дома, и ты моя законная жена. Тебе давно надо было мозги вправить.

Я сопротивлялась изо всех сил, но он влепил мне ещё одну пощёчину. От обжигающей боли я обмякла и оказалась перед ним беззащитна. В следующее мгновение его горячий и торчащий колом фаллос настойчиво входил мне во влагалище. Одна рука крепко сдавила мне горло, а второй он направлял в меня свой мощный член.

— Вот так, сейчас паинькой станешь. И отсосёшь, и в попку дашь. И ещё просить будешь. И спасибо говорить мне будешь. Шалава.

Я дёрнулась ещё раз в безнадежной попытке освободиться, и сквозь сжатое клещами горло умудрилась пролепетать:

— Не надо.

Но член его уверенно раздвигал лепестки моей промежности, и плотно скользил вдоль

клитора. Меня вдруг обуяла и парализовала животная плотская страсть. Низ живота вспыхнул блаженством, я нежно застонала, подаваясь навстречу. Пьяный муженёк тяжело дышал, обдавая меня новыми волнами дешёвой сивухи, но я уже не обращала внимания на алкогольные пары. Я пальцами ласкала ему шею, прижимая его голову к себе ладонью. Он грубо и глубоко меня трахал, а я выгибалась и стонала. Так дерзко, цинично, и похабно меня никто ещё не брал, и от своего благоверного я ожидала этого меньше всего. Признаться стыдно, но страсть толчками вдруг во мне вскипела, и мощными вспышками пробежала по телу, блаженством растворяясь в голове. была, и не шаталась по хорям, где не попадаю. — Да где я шлялась, ты, животное. Я вкалываю за двоих, а ты бездельничаешь и сплетни собираешь. Ненавижу тебя. Будь ты проклят.

— Ничего, стерпитесь-слубится.

— Да ты, скотина, изнасиловал меня.

— У-у-у, как трагично, я преступник, я насильник — его голос перешёл на шёпот — я-я-я чикатило-о-о. Где прокурор? Присяжные? — кривлялся он сидя за столом и ковыряя пальцами в шпротах — да будет тебе известно, дура, что я всего лишь исполнил свой супружеский долг. И впредь я буду делать это регулярно.

Я сидела на полу и хныкала, а негодяй даже не помог мне встать. А сейчас восседал за столом и изображал из себя клоуна. Колено ныло всё сильнее и начало напухать, а я пыталась его массировать. Колготки были порваны в нескольких местах. Резинка на мокрых трусах лопнула. Мне было стыдно и больно. А глава семьи удобно устроился за столом и не спеша допивал. Он любовался своей работой, глядя на мою беспомощность, и судя по его виду, это доставляло ему удовольствие. Подонок и садист. Я кое-как поднялась, и ковыляя, села на диван. Наконец он дожрал своё пойло. Какое-то время он сидел и сверлил меня глазами. Потом молча встал, и слегка покачиваясь, пошёл в прихожую. Когда он снова появился в комнате, в его руках была моя сумочка, и он в ней по-хозяйски шарил. Затем, потеряв терпение, он вывернул всё содержимое на стол, и схватил мой кошелёк.

— Не смей брать деньги — сказала я — там за коммуналку и на бензин осталось.

— Да что ты! Вот не знал. Это твои проблемы, а мне надо выпить и закусить. А тебе пешком полезно походить. Бензин ей понадобился.

— Не трогай деньги, урод.

Но он выпотрошил весь кошелёк вместе с мелочью и распахал все деньги по карманам. Потом ушёл, громко хлопнув дверью. Уже на выходе он нагло произнёс:

— Чё расселась, дура. Иди постель стели нам на двоих. Я скоро вернусь, а ты должна быть готова к моему приходу и подмыта.

Я встала и похромала в ванную. Взглянув на себя в зеркало, я не удержалась и разрыдалась с новой силой. Скотина мне подвесил синяк под глазом, и дорогой топик на мне представлял из себя жалкое зрелище. Низ живота теперь и вправду болел, и растёртое влагалище пекло невероятно. Нет, ни минуты здесь больше не останусь. Я собрала со стола рассыпанные вещи обратно в сумочку и накинула плащ. А куда я пойду? Да хоть на кудыкину гору. Но здесь, в его квартире, ноги моей не будет. Сняв с пальца обручальное кольцо, я положила его на стол и вышла из квартиры на лестничную клетку. Пусть пропивает. После всего что произошло, больше никаких отношений. Пусть идёт к своим Наташам, Надям, Людям. Пьёт с ними на брудершафт и трахает во все дырки. Он и раньше высказывал в мой адрес мысли о жёстком насилии, но сегодня он перешёл последнюю черту. Надо идти. Скоро ублюдок заявится, и

если будет ещё в состоянии, то снова начнёт домогаться. От этой мысли меня передёрнуло, и я решительно нажала на кнопку вызова лифта. Я вышла из подъезда и оказалась на улице. Было безлюдно и тихо, лишь тусклый свет фонаря на козырьке подъезда выхватывал из темноты серый полукруг асфальта. Прикрывая плащом порванную одежду, я направилась по улице в сторону гаражного кооператива, где в одном из боксов стояла моя машина. Идти надо было шесть кварталов, и я ковляла по плохо освещённой пустынной улице, припадая на больное колено. Сняв обувь на шпильках, я шла босиком в одних колготках, держа туфли в руке за ремешки. О господи, далеко-то как. Я собиралась попасть в гараж, и уже на машине поехать к себе на дачу. А там я приведу себя в порядок, всё аккуратно позашиваю и постираю. А что нельзя починить — куплю заново. На карточке кое-какие деньги оставались, я никогда их все не снимала, потому что шарить по моим карманам у моего муженька вошло в повседневную привычку. Хранить дома деньги было совершенно бесполезно, негодяй знал все мои заначки, и поиск сбережений на чёрный день превратился у него в вид спорта. А вот с карточки снять он никак бы не смог, потому что цифры пинкода я держала в голове и никуда их не записывала. Кое-как проковыляв пару кварталов, я поняла, что больше идти не могу. Присев на лавочку, стоявшую под высоким деревом, я начала массировать распухшее колено. Я тихо скулила, роняя слёзы, мне было больно и одиноко. Мимо меня по улице проезжали редкие машины, но одна вдруг остановилась как раз напротив меня. Боковое стекло отъехало вниз, и в проёме появилась женская голова с короткой мелированной стрижкой.

— С вами всё в порядке? — спросила женщина.

— Ага, конечно в порядке. Иначе чтоб я здесь делала, да ещё в такое время.

— Верно. Помощь нужна?

— Вы мне поможете, если оставите меня в покое.

Однако дверь открылась, на тротуар вышла стройная женщина средних лет, и звонко стуча каблучками подошла ко мне.

— На каблуках за рулём ездить опасно — почему-то ляпнула я — нога с педали может соскочить.

— Что? Какая нога? Что с вами случилось? Вас ограбили? Избили? Вам нужна помощь. Я довезу вас до отделения полиции, и там вы напишете заявление. А может в больницу вас отвезти?

— Вообще-то меня и ограбили и избили. Ещё вдобавок изнасиловали. Но заявлять я никуда не стану. И ни в какую больницу я не поеду.

— Но почему?

— Потому что это сделал мой муж. Я сбежала от него.

— Пойдёмте — она взяла меня за руку и потащила к своей машине — не бойтесь, идите со мной.

— Я никуда не пойду и ничего писать не буду.

— Да и не надо. Не переживайте, я вас подвезу. Опасно ночью бродить по улицам в одиночку.

— Спасибо. В четырёх кварталах отсюда мой гараж. Там моя машина. Мне надо туда.

— Конечно.

Я кое-как с помощью женщины добрела до её авто, и она усадила меня на переднее сиденье.

— Всё же на каблуках опасно ездить — снова сморозила я невпопад.

— Не беспокойтесь, я привыкла — сказала дама, нажимая на газ.

Машина плавно тронулась с места. Да, вот это настоящий аппарат. Не то что моя нива. Под

капотом рокотал мощный дизель и машина плавно двигалась вперёд. Вдруг я осознала, что в ни в какой гараж не попаду, потому что ключи от него остались в кухне на столе. А возвращаться было уже поздно. Наверняка благоверный заявился и обнаружил, что меня нет. Теперь я просто не представляла, что он пьяный со мной сделает.

— Остановите — сказала я — мне надо выйти.

— В чём дело?

— Я оставила дома ключ от гаража.

— А домой-то далеко?

— Мне сейчас туда никак нельзя. Там муж мой пьяный, он меня приберёт.

— Тогда в полицию.

— Нет. Остановите, я выйду.

— Ну и куда вы пойдёте?

— Не знаю.

— В общем так, мы едем ко мне домой. Там вы приведёте себя в порядок и отоспитесь. Ну а завтра — утро вечера мудренее.

— Лучше отвезите меня на мою на дачу, если хотите помочь.

— Вы про садоводческое товарищество? Я там не проеду.

— Я на ниве там спокойно проезжаю.

— Ну а на моём пыжике мы там застрянем. Он не предназначен для бездорожья. В общем, ко мне. Не бойтесь, я одна живу, вам сейчас надо горячего чая.

— Хорошо, если я не стесню. Я устала. Извините.

Я сидела в просторной кухне после тёплой ароматной ванны и прихлёбывала дымящийся чай. На мне был розовый махровый халат и мягкие домашние тапочки.

— Ну как, отогрелась? — спросила женщина — меня Ирина зовут, можно просто Ира.

— А меня Лена. Спасибо вам за всё, я правда попала в дурацкую ситуацию. Но ничего, я завтра разыщу начальника охраны гаражного кооператива, у него все дубликаты ключей имеются.

— Ох, ну как ты с таким синяком под глазом пойдёшь, ты хоть в зеркало себя видела?

— Угу.

Женщина смотрела на меня с нескрываемым сочувствием. Она сидела напротив и окидывала меня изучающим взглядом. На вид ей было лет сорок, и по возрасту она мне почти в мамы годилась.

— Завтра я отвезу тебя в парикмахерскую и так загримирую твой синяк, что и следа не останется. Я кстати стилист, и у меня свой салон. Тебе не стыдно будет на люди показаться.

— Спасибо — я попыталась встать, но боль в коленке тут же о себе напомнила.

Я ойкнула, поморщилась и села. Задрав полы длинного халата я посмотрела на свои голые колени. Да, правая коленка заметно подпухла и противно ныла.

— Дай посмотрю — сказала Ирина, и присела передо мной на корточки.

Она мягко ощупывала мне ногу и легко нажимала пальцами.

— Перелома нет, но есть ушиб. Надо мазь наложить — сказала она каким-то странным и отрешённым голосом. И вдруг губами приникла к моей больной ноге.

Я ошарашенно смотрела на неё сверху вниз, а женщина горячо шептала:

— Я заберу твою боль, я помогу, Пусть эта боль станет моей. Я так хочу. Я сделаю тебя счастливой. Ты и представить себе не можешь — она шептала страстно, словно заклинания,

целуя и облизывая мне ногу. Её рука пробиралась между ног к моему сокровенному месту. Надо было что-то делать. Отпихнуть? Но по отношению к хозяйке дома это было бы невежливо. Встать и отойти? А потом сказать, чтобы она оставила меня в покое и сделать вид, что ничего не произошло? Но что-то меня удерживало. Как будто бы какая-то незримая нить прочными узами связала меня с этой женщиной. Я чувствовала, что она не такая, как остальные, какая-то другая. Что она собирается со мной делать? Я сидела в нерешительности, и рука её продолжала нежно гладить по моим половым губкам. И вдруг мне стало хорошо. Горячие поцелуи покрывали мои ноги где-то уже рядом с промежностью, и во мне снова разгоралась и закипала страсть. Но она же женщина. Баба. Да ещё и старше раза в полтора. Тем не менее, её стройная спортивная фигурка всё время пребывала в движении. Я откинула голову назад и запустила руку в её густые ухоженные волосы. Женщина страстно застонала. Её гибкое тело дрожало и прижималось ко мне.

— Леночка, расслабься и доверься мне. Сейчас тебе станет хорошо.

— Мне уже хорошо.

Я тяжело дышала, и между ног у меня снова обильно промокло. Не слишком ли много на сегодня? Меня трахают уже второй раз помимо моей воли. Но насилием со стороны Ирины эти нижние прикосновения назвать просто язык не поворачивался. Ведь передо мной она сейчас была совершенно беззащитна. Мне стало хорошо и спокойно. Я плыла и купалась в волнах нежного блаженства, они захлёстывали меня с головой, и дразняще расходились по всему телу. Ира обняла меня за ноги и водила языком по распустившимся лепесткам затвердевшей пещерки, временами дразня и трогая клитор. Меня било разрядами страсти, и я подавалась навстречу. Обняв её за шею одной рукой, я другой гладила упругий холмик на её груди и зажимала между пальцев горошинку в центре. Меня никогда ещё не ласкала женщина, и я вдруг осознала, что эти прикосновения и дразнящие стимуляции во сто крат сильнее грубых ухваток моего муженька. Да и других любовников тоже — чего уж там греха таить. Было, всё было. Но такого острого ощущения как сейчас, ещё не было никогда. Я поняла, именно теперь, на самом пике блаженства я поняла, что вот сейчас я по-настоящему счастлива. И пусть теперь я стану розовой, пусть сплетничают, осуждают, но я определённо по уши влюбилась в эту женщину. Ласки становились всё настойчивей. Губы плотней прижимались к промежности, а неутомимый язычок всё трогал и трогал мой клитор. Я стонала и извивалась. И вдруг я кончила. Яростно и мощно. Ощущение было настолько острым, что казалось, во мне вспыхнул огонь самой преисподней. Я звонко закричала, и мой крик слился со стоном Ирины.

Начинался рассвет. Мы сидели в комнате на мягкой тахте, и Ирина мазала мне колено каким-то резко пахнущим кремом. Затем она укутала мне ногу мягким полотенцем. Боль утихала, и по ноге расходилось приятное тепло.

— Ну вот, через пару дней всё пройдёт — сказала она и погладила меня по щеке.

— Мне послезавтра на работу. Я знала, что мой муж снова испохабит мне выходные и выносит все мозги со своим алкоголизмом, но он перешёл все границы. Представляю его физиономию, когда он узнает, что я переспала с женщиной.

— Скажи честно. Невзирая на возраст. Я нравлюсь тебе?

Я покраснела и опустила глаза. Потом смущённо ответила:

— Да.

— И ты мне тоже. Я поняла, что влюбилась в тебя ещё тогда, когда увидела тебя на лавочке.

Всю избитую и беспомощную. Но в тебе что-то есть. Не знаю как объяснить. Ты не бросишь меня, не уйдёшь назад к мужу? — её губы снова приближались, и горячее страстное дыхание обжигало мне лицо. Я вновь расцветала розовой любовью, и животная похоть с новой силой просыпалась во мне. И я твёрдо ответила:

— К нему — ни за что. Теперь я твоя. Целуй меня.

ARHIMED